

**XX МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНКОВСКИЙ КОНГРЕСС:
«БАНКИ: МОДЕРНИЗАЦИЯ, ИННОВАЦИИ, ИНВЕСТИЦИИ»**

СВОБОДНАЯ ДИСКУССИЯ

27 мая 2011 года

Санкт-Петербург

ОГЛАВЛЕНИЕ

МЕЛИКЪЯН Г.Г.	3
ЧУГУНОВА Т.Н.	4
МАКЕЕВА А.	4
СИМАНОВСКИЙ А.Ю.	5
МЕЛИКЪЯН Г.Г.	6
СИМАНОВСКИЙ А.Ю.	6
МЕЛИКЪЯН Г.Г.	7
КОРОЛЕВ Д.М.	7
ЧУГУНОВА Т.Н.	7
КАРПУШКИН Н.Г.	8
МЕЛИКЪЯН Г.Г.	8
СУХОВ М.И.	9
ЗЕЛЕНСКИЙ Ю.Б.	9
МЕДВЕДЕВ П.А.	11
МЕЛИКЪЯН Г.Г.	11
ЗЕЛЕНСКИЙ Ю.Б.	11
ТАРАДОВ Д.А.	12
СИМАНОВСКИЙ А.Ю.	13
МЕЛИКЪЯН Г.Г.	13
ДОСТОВ В.Л.	14
МЕЛИКЪЯН Г.Г.	15
МЕДВЕДЕВ П.А.	18
СУХОВ М.И.	18
КРОЛЛИ О.А.	21
МЕЛИКЪЯН Г.Г.	21
ХАЛАНСКИЙ В.П.	25
СУХОВ М.И.	26

«БАНКИ: МОДЕРНИЗАЦИЯ, ИННОВАЦИИ, ИНВЕСТИЦИИ»

СВОБОДНАЯ ДИСКУССИЯ

27 мая 2011 год

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Уважаемые коллеги!

Я думаю, что нам на сегодня нет смысла проводить наше заключительное заседание в той форме, в какой мы традиционно делали, а именно, выступления представителей секций с докладами, что было на секциях. Но это имело смысл по той причине, что заседания секций проводились параллельно, и многие участвовали в одной секции и не знали, что происходит в другой.

Сейчас у нас последовательно прошло всё. Все, кто хотел послушать, что на секциях происходит, были на этой секции. Так что я думаю, что мы какую-то информацию участников всех этих обсуждений, наверное, давать не будем.

Я предлагаю сейчас поступить таким образом. Наверняка есть люди, которые бы хотели сейчас задать какие-то вопросы, прокомментировать какие-то проблемы, поделиться своими впечатлениями. То есть, сейчас такой дружеский обмен мнениями о том, как прошел наш конгресс, какие проблемы мы поднимали, что мы не обсудили, где есть какие-то нерешенные места, нерешенные вопросы. А они, конечно, всегда есть.

Лично моя точка зрения, что тот формат, который мы в этом году использовали, он лучше, чем тот, который был. Всё-таки были какие-то дискуссии у нас на панелях-обсуждениях, разные точки зрения. У меня, например, всё время душа болела, и хотелось высказаться дальше, когда я там слушал, как шли обсуждения.

Мне кажется, что и сейчас, наверное, у всех есть какие-то свои соображения.

Пожалуйста, мы готовы отвечать на ваши вопросы. Мы хотели бы послушать вас, если у вас есть какие-то суждения, на что вы обратили свое особое внимание, чтобы мы подумали над этим дальше.

Пожалуйста, призываю.

ИЗ ЗАЛА

Я только хотел поблагодарить за замечательную конференцию. Она действительно прошла очень живо. А с учетом того, что это конференция по банковской тематике, она даже прошла сверх живо.

Я бы хотел задать вот такой вопрос. Традиционно регулятор осуществляет взаимодействие с отраслью через индустриальные ассоциации. И раньше ситуация была предельно понятной. То есть, был закон «О банках и банковской деятельности», и, соответственно, был круг кредитных организаций, которых представляют две ассоциации - «АРБ» и «АРБР». И в значительной степени они брали на себя задачу взаимодействия с регуляторами.

А закон о национальной платежной системе является очень синтетическим по субъектам. Он объединяет такую довольно разнородную компанию субъектов. Хотелось бы спросить, наверное, в первую очередь регуляторов и присутствующих представителей отрасли, какой формат является оптимальным, то есть, по-прежнему регулятор будет взаимодействовать через совокупность различных ассоциаций, то есть, будет какая-то ассоциация процессинговых компаний, ассоциация электронных денег, банковская ассоциация. Плюс, с точки зрения регулятора, было бы рационально, чтобы было некое неформальное лицо, объединяющее разнородных представителей. И вот с этой организацией нам бы было очень удобно общаться.

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Спасибо.

Татьяна Николаевна, наверное, сейчас скажет.

ЧУГУНОВА Т.Н.

Я думаю, сегодня ответ на этот вопрос в какой-то степени прозвучал на нашей предыдущей встрече, когда Батырев Тимур Кабирович в своем выступлении сказал, что закон – это не руководство к действию, это правила игры.

Так вот, для того, чтобы эти правила игры послужили какому-то действию, какому-то развитию дальнейшему, взаимодействию и так далее, конечно, нужен орган. Мы думаем, что это не только в рамках взаимодействия регулятора и представителя рынка. Всё-таки должна быть создана какая-то общественная организация именно самими представителями рынка. Есть примеры этому на Западе, когда создаются платежные советы. Они бывают разные, разной формы. Это бывают и самостоятельные акционерные общества, это бывают организации, созданные при национальных банках. Много примеров за рубежом, когда они создаются при национальных банках.

Надо сказать, что мне кажется, что это достаточно длительное обсуждение закона привело к тому, что и в нашем сообществе, которое на этом рынке работает, уже возникли первые попытки и понимание того, что должна быть какая-то создана организация этого многообразного, разнообразного сообщества, которое занимается платежами.

И сегодня уже есть такие инициативы, попытки создать такие советы. Причем они разнообразные. С такой инициативой выступил Сберегательный банк, обозначив эту задачу, как важную задачу для дальнейшего движения в области платежной системы. С такой же инициативой и, обратившись даже сразу на уровень Председателя Правительства к Путину, выступил Российский союз промышленников и предпринимателей с предложением создать такой орган, и Центральному Банку его возглавить.

Так что я хочу сказать, что это очень правильный вопрос, это очень назревший вопрос. И мы, безусловно, за то, чтобы такая структура была создана, чтобы мы не ограничивались только подобными контактами, которые были сейчас при рассмотрении закона. Потому что для нас важно теперь дальше, вслед за законом, вырабатывать стратегию развития национальной платежной системы. Это уже будут другие вещи, это уже качественный уровень, к чему мы пойдем. И здесь нам нужно поле для дискуссий, для определения этой стратегии. И подобный орган, который надо создать, безусловно, очень бы нам помог в дальнейшем. И постоянно держать руку на пульсе с точки зрения тех изменений, которые, безусловно, в платежной системе, может быть, как нигде в другой сфере, более динамичны, чем в других областях банковской деятельности.

Поэтому этот орган нужен. И я всецело это поддерживаю, и Центральный Банк написал свое заключение. И Центральный Банк готов участвовать в любом виде, но мы думаем, что, скорей всего, не возглавив этот Совет, но в качестве одного из участников, безусловно, тоже будет участвовать.

Так что спасибо за ваш вопрос. Это очень важная инициатива, и надо ее воплощать в жизнь. И желательно, чтобы на это не 2 года ушло, как на проработку закона. Мы должны двигаться дальше, развивать стратегию.

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Спасибо, Татьяна Николаевна.

Друзья, я прошу представляться, потому что идет запись, чтобы мы знали, кто задает вопросы. Запись не секретная, как вы понимаете, всё публично.

Пожалуйста, у кого еще какие соображения?

МАКЕЕВА А.

Антонина Макеева из Компании "Стэндард энд Пурс".

Вопрос, который был не совсем озвучен, это подготовка самих банков для перехода на продвинутый IRB - подход, и какие основные сложности могут возникнуть при переходе. И, наверное, основной проблемой, с которой мы встречались при работе с западными банками, являлось построение внутренних рейтинговых систем, особенно с секторами с низкой вероятностью дефолта средних и крупных компаний и, допустим, специализированного кредитования. И одним из решений для такой проблемы являлось создание консорциума данных, где банки объединяются и на агрегированной основе создают свои данные о дефолте и о потерях в случаях дефолта. И банки получают обратно такие агрегированные данные, которые помогают им построить сильные внутренние рейтинговые системы.

Хотелось бы знать мнение регуляторов и мнение участников банков на такой подход, как они смотрят на возможность создания консорциума данных в России.

Спасибо.

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Спасибо.

Но я некоторым коллегам поясню. Речь идет о Базеле II, о продвинутых подходах Базеля II для банков. Наверное, не все будут переходить на эту систему, но некоторые банки будут переходить. У нас по этому направлению ведется большая работа. Многие, наверное, знают, что была создана специальная группа совместная с Еврокомиссией. Но там участвовали не все европейские страны, а те, кто входит в зону евро, так называемая Евросистема.

Но я думаю, что сейчас Алексей Юрьевич более предметно и более расширенно ответит на этот вопрос.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Я отношусь к любому обобщению статистических данных позитивно, поскольку, чем больше статданных, тем, соответственно, больше уверенности в том, что эта выборка репрезентативная, и цифрам можно доверять с той или иной степенью осторожности – либо к цифрам, либо к моделям, либо к прогнозам и оценкам.

Так что, да, с точки зрения агрегирования сведений и соответственно возможностями для банков пользоваться этими сведениями.

С точки зрения наших перспектив мы предполагали, что после завершения проекта с Евросистемой в нынешнем году где-то до конца года мы будем принимать заявки наиболее крупных банков по внедрению IRB-подхода. Имея в виду, что мы не предполагаем на самом деле, по крайней мере, на сегодняшний день, но я, честно сказать, и на перспективу сегодня это дело не вижу, чтобы мы небольшие и маленькие банки переводили на IRB. Такой задачи мы себе не ставили. В моем представлении, мы, кстати, затрагивали эту тему и вчера, это довольно дорого. И, честно сказать, с моей точки зрения не совсем нужно. То есть, без этого можно, наверное, обойтись. Хотя жизнь покажет, как дальше будут развиваться события. Я, в общем, исхожу из того, что для небольших банков с достаточно простым бизнесом простые подходы, в том числе, и тот, который мы реализовали, упрощенный, стандартизированный подход первого компонента первого Базеля, вполне достаточен.

Поэтому исхожу из того, что именно крупнейшие банки, если они хотят, если они проявляют желание. У нас директивно это не устанавливается, мы не собираемся требовать от банков перехода на продвинутый подход. Но если они хотят и считают, что это целесообразно для них, и с точки зрения качества управления рисками, и с точки зрения, возможно, имиджевых каких-то вещей, такую возможность мы предполагаем нашим крупнейшим банкам предоставить.

Понятно, что они должны будут провести всю необходимую работу и в отношении своих управленческих систем, и в отношении своих информационных систем, собрать соответствующую статистическую информацию, представить ее. Модель должна быть валидизированная, как принято выражаться, и эти оценки.

Если крупнейшие банки сочтут целесообразным объединить свои усилия с точки зрения получения общей агрегированной базы статинформации, я полагаю, что это тоже будет правильно, поскольку, насколько бы крупным не был банк, тем не менее, он работает на какой-то части соответствующего сегмента рынка. И, соответственно, чем большая часть рынка может быть представлена в этой статистической информации, тем опять же лучше.

Пойдут ли на это крупнейшие банки или не пойдут - это тоже будет их решение. Пока, я полагаю, мы такую возможность можем им предложить. И, повторяю, в моем представлении, акцепт с их стороны был бы, наверное, показан – эту систему использовать. Хотя, повторяю, это их дело, и их соображения всякие разные, которые могут быть.

МЕЛИКЪЯН Г.Г.

Спасибо, Алексей Юрьевич.

Я хотел бы буквально несколько слов добавить.

Во-первых, я хочу, чтобы все представляли, что то, что не все банки собираются переходить на продвинутые подходы Базеля II, это отнюдь не значит, что наша система отстала от каких-то других стран.

Дело в том, что в Европе, правда, более централизованно, более консолидировано осуществляется этот переход, у них была специальная директива Евросоюза. У них будут более массово это всё делать, чем в других странах.

Например, Соединенные Штаты для себя принимали решение, что очень ограниченный круг банков будет переходить на продвинутые подходы Базеля II. Так же обстоит дело в некоторых других странах.

Всё-таки, в конечном итоге, у них был момент, когда они не хотели Базель II, вообще они спорили с ним. Но последние решения, которые у них были, переходить опять-таки также примерно как мы, по решению банка, никто давить не будет, но они хотят, чтобы крупнейшие банки всё-таки перешли на эту систему.

Моя личная точка зрения заключается еще в том, что, хотя Базель II, вот эти продвинутые подходы, они требуют, во-первых, огромной работы и, во-вторых, немаленьких затрат. Тем не менее, мне кажется, что крупные банки, достаточно сильные, им выгоден переход.

На мой взгляд, этот переход для них выгоден хотя бы потому, что они получают довольно широкие полномочия самооценки риска. Можно говорить, под контролем регулятора и так далее. Но, тем не менее, те, кто будет использовать свои внутренние рейтинги, те, кто будет использовать свои внутренние модели, те банки получают гораздо больше возможностей решать эти вопросы самостоятельно.

Поэтому я считаю, что наши продвинутые сильные банки, которые начинают выходить за пределы России, будут заинтересованы, они будут это делать.

Собственно, наши разговоры со многими руководителями крупных банков показывают, что у нас уже есть целый ряд крупных банков (я не буду пока называть их), которые собираются такой переход осуществлять, не откладывая. Более того, мне даже сказали, что вы что-то очень либеральные сроки предусмотрели – 2015 год, 2014 год и так далее. А, может быть, мы будем это делать раньше.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Но, по-моему, не очень оправданный оптимизм. В Европе для перехода на продвинутые подходы второго Базеля, если я правильно помню, потребовалось от 5 до 7 лет.

И я исхожу просто из тех результатов оценки ситуации в банках, которые в рамках названного мной проекта с Евросистемой осуществлялась. На самом деле, мягко говоря, довольно сильны пока отличия между тем, что нужно, и тем, что есть на сегодняшний день.

Так что, конечно, планы сделать побыстрее – это хорошие эмоции. И не думаю, что для того, чтобы прийти в соответствие, надо очень много поменять у нас с точки зрения того, что предусматривают международные стандарты системы управления из информационных систем.

Но, всё-таки, я более расположен исходить из такой взвешенной консервативной оценки. В моем представлении 2015 год на самом деле вообще очень близко. А, с другой стороны, вряд ли можно сделать что-то раньше, если исходить из того, что переход должен состоять не в формальном проставлении галочек в соответствующих клеточках, а из того, что это действительно должны быть надлежащим образом приготовлены кадры, подготовлена система, подготовлены оценки, подготовлены модели, проверены модели на практике, что написано на бумаге, и что получается по жизни. И только после этого будет дан старт уже использованию результатов того, что дают модели для целей оценки достаточности капитала на вводных.

Поэтому это совсем немного. Потому что осталось до 2015 года реально 3 года.

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Во-первых, мы не будем никого принуждать. Кто как созреет, тот так и пойдет. Но есть один момент, который работает на то, что ускорить процесс искусственно не удастся. Потому что надо накопить статистическую информацию. Мы никуда не денемся, я имею в виду банки. Они вынуждены будут всё равно, чтобы время какое-то прошло, пока по этим моделям, для этих моделей будет накоплена соответствующая информация.

То есть, это дело такое, которое требует всё-таки какого-то времени. Тем более, если учесть, что у нас пока такая работа не проводилась. Ведь за рубежом некоторые банки давным-давно работают по каким-то моделям, по каким-то своим направлениям, своим, если не в чистом виде внутренним рейтингам, о которых мы сегодня говорим, то, во всяком случае, используют какие-то модели, которые приближены к тому, что нужно для Базеля II.

Но еще раз повторяю, мы искусственно давить не будем. Но где-то, может быть, мы будем агитировать. Я имею в виду решение о том, что они будут переходить на эту систему. Мы будем рассматривать эти вещи, и еще время есть подготовиться.

Спасибо. Пожалуйста, ваши суждения, ваши подходы. Может быть, кто-то недовысказался, хотел что-то прокомментировать?

На наших дискуссионных секциях у меня по некоторым вопросам душа болела. Я там себя сдерживал искусственно. Но очень хотелось прокомментировать.

КОРОЛЕВ Д.М.

Добрый день!

Денис Михайлович Королев, «Эрнст энд Янг». У меня не комментарий, а вопрос.

Очень много было вопросов о национальной платежной системе, может быть, потому, что актуальная тема и последняя, запомнившаяся всем. Хочу уточнить с точки зрения самого закона. Понятно, что он движется в сторону общих правил для дальнейшей проработки на уровне подзаконных актов. Мы проговорили про 266 закон с более детальной проработкой.

Я хотел уточнить насчет той связки, которая была с национальной платежной карточной системой, или, как сейчас называется, универсальной электронной картой.

Планируется ли какая-то увязка и дальнейшая проработка законодательная этого направления и отношения в плане создания альтернативы УЭК Сбербанковского на базе Ростелекома?

ЧУГУНОВА Т.Н.

Действительно, если говорить об истории возникновения идеи написать закон по национальной платежной системе, то первая история как раз и сводилась к проблеме пластиковых карточек, создания национальной системы пластиковых карт. Национальной системы для того, чтобы достойно конкурировать на рынке пластиковых карт. Национальной системы для того, чтобы удовлетворять те потребности, которые есть у наших людей, и по осуществлению платежей на территории страны, потому что сегодня приводилась даже на нашей секции цифра, что реально большинство

карточек сегодня используется, в основном, внутри страны. И, к сожалению, используется даже не для безналичных расчетов, а для снятия наличных.

Так вот, первоначальный вариант закона состоял из двух частей. Вторая часть была посвящена исключительно проблеме или основным моментам, которые позволили бы нам на территории России заложить основы создания национальной системы пластиковых карт. То есть, той системы, которая предполагала бы единство технологии, подходы, одинаковые с позиции возможности использования технологической части, то есть, банкоматов и технической сети, которая обеспечивает деятельность пластиковых карточек, и при этом позволила бы расширить применение российских карт и достойно присутствовать на рынке – там, где присутствует международная платежная система.

С нашей точки зрения, то есть, Центрального Банка, в частности, это была очень важная проблема.

Просто мы встретились во времени и пространстве с одновременно поднятой проблемой социальной карты. К сожалению, на экспертный, в данном случае, взгляд, она не лучшую службу сослужила на вопросе. Да, неплохо, что у нас появляется такой достаточно крупный инструмент, как электронная социальная карта. Но она не решает той проблемы, которая была до этого однозначно, как создание национальной платежной системы по пластиковым карточкам. Она решает свою проблему, она позволяет много чего и, в том числе, там платежное приложение есть. Собственно говоря, назначение социальной карты не совсем то, которое было в национальной платежной системе.

Поэтому я думаю, что, безусловно, выскажу свою надежду, что идея создания национальной платежной системы по пластиковым карточкам не ушла в прошлое, она остается. И мы должны будем работать в этом направлении, потому что социальная карта не решит эту проблему. Она решит те проблемы, будем надеяться, успешно, которые поставлены перед ней. Они уже, чем та проблема, которая должна решаться национальной платежной карточкой.

Такое мое суждение об этом.

КАРПУШКИН Н.Г.

Добрый день!

Николай Григорьевич Карпушкин, «Альфа-Банк».

Давно уже назрела необходимость законодательного введения безотзывных вкладов для физических лиц. Это позволило бы банкам формировать стабильные и, возможно, длинные пассивы. И, в принципе, можно было бы вкладчикам оставить право делать депозиты с правом досрочного отзыва и без права.

Например, можно было бы снимать при определенных форс-мажорных событиях – потеря работы, свадьба или похороны.

Во многих европейских странах такие депозиты уже давно есть.

Недавно банки опрашивали, как мы относимся к тому, чтобы такие депозиты через депозитные карты ввести.

В принципе, депозитные сертификаты по сути своей ничем не отличаются от векселя. Но вексель даже, на мой взгляд, выигрывает по сравнению с депозитным сертификатом, потому что у векселей стабильная законодательная база на международном уровне утверждена. Понятны и правила оборота, и сформировавшийся вторичный рынок. А депозитный сертификат имеет все недостатки векселя (это бумажная форма, возможность подделок, непонятные правила передачи депозитного сертификата), ничего, в принципе, нового не приносит. Наоборот вкладчик должен обязательно прийти в банк.

Вот почему нельзя обычный обязательный депозит ввести, который, в принципе, позволяет дистанционно размещать такие депозиты, особенно в условиях новых технологий, когда не обязательно в отделение приходиться?

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Безусловно, можно.

СУХОВ М.И.

Вы знаете, во всей этой истории с вкладами подобного рода есть несколько составляющих. Во-первых, есть интересы банкиров, здесь присутствующих и не присутствующих, с тем, чтобы подобного рода вклад появился. А, во-вторых, есть интерес со стороны потребителя – иметь, с одной стороны, более доходные депозиты. В этом смысле интересы банков и потребителей банковских услуг, вкладчиков совпадают. Но, с другой стороны, у вкладчиков есть необходимость иметь психологическую уверенность в том, что его деньги вернутся.

Поэтому без системы страхования вкладов, которая сейчас эффективно работает по всем направлениям, мы знаем, с самыми быстрыми в мире сроками возмещения, вообще говоря, эта идея была бы мало проходимой.

Второе, от чего в последнее время в ходе обсуждений удастся избавиться, на мой взгляд, это не совсем удачная терминология подобного рода вкладов.

Напомню, Михаил Михайлович Жванецкий, когда прочел программу «500 дней», сказал так: «Давайте свяжем деньги населения, а потом и их самих». Так вот, когда подобного рода вклады презентуются, как вклады безотзывные, это мы сразу понимаем, что это такое. У нас большое количество вкладчиков, не то, что их нужно образумить, они, в принципе, психологически не должны всего этого понимать. Они должны понимать, что они приходят в банк и могут получить деньги обратно.

Поэтому другая идея, которая сейчас активно прорабатывается, это с экономической точки зрения действительно внедрить этот механизм, но прописать его в законе, как вклады, имеющие определенный срок возврата. С точки зрения финансов, ситуация похожая, но, с точки зрения потребителей, в принципе, она должна выглядеть иначе.

И последняя идея, которая сейчас прорабатывается, это дополнить эту психологическую уверенность обязанностью публично информировать клиента о подобного рода условия. То есть, обязательства по тем или иным другим финансовым или нефинансовым продуктам предупреждать о чем-то. Но здесь тоже необходимо предупреждать вкладчика об установленных законом условиях. Тут на самом деле надо, чтобы банкиры тоже поучаствовали в этой же работе с тем, чтобы вкладчик мог понять, что такого рода продукт покупаем. Безусловно, и, на мой взгляд, императивное условие, что этот продукт не может и не должен вводиться взамен других банковских продуктов. Он может вводиться только в дополнение к другим банковским продуктам. Или условно вкладчик должен иметь возможность разместить деньги на тех условиях, которые есть сейчас, с тем, чтобы получить их обратно. Одновременно, действительно можно обговорить в законе некие сроки, в течение которых банк обязан их вернуть вкладчику. Понятно, что при этом будут меняться процентные условия.

Естественно, необходимо в законе оговорить и ответственность банка за неисполнение тех или иных условий. Ответственность, возможно, связанная с теми или иными процентными условиями вклада.

Сейчас на экспертном уровне мы участвуем в этой работе. И я думаю, что в Правительстве Минфин ведет эту работу, когда более-менее конкретные предложения будут готовы, банковское сообщество тоже сможет подключиться к обсуждению этого вопроса. Если вы посмотрите документ под названием «Стратегия развития банковского сектора», там этот законопроект предусмотрен в качестве одного из элементов завершения работы над проектом закона в этом году.

Спасибо.

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Спасибо, Михаил Игоревич.

Вот у нас здесь есть Юрий Борисович Зеленский, хочет маленький комментарий сделать.

ЗЕЛЕНСКИЙ Ю.Б.

Уважаемые коллеги!

Я, как один из авторов законопроекта о так называемых безотзывных вкладах хочу вам сказать, что никогда так этот законопроект не назывался. Это – сленг журналистский. Назывался законопроект «О срочных вкладах». И более

того, это единственный вклад, как вы предложили в законопроекте, который был единственным срочным. Больше у нас срочных вкладов, согласно 837-й статье Гражданского кодекса, нет. Потому что гражданин может открыть вклад в банке на любой срок, а через 3 дня прийти, снять его без объяснения причин.

Поэтому никакой речи в этом законопроекте о том, что этот вклад безотзывный, нет.

Во-вторых, черным по белому прописано было, что такой вид вклада в обязательном порядке должен иметь в названии вклада, в тексте главный постулат о том, что гражданин вносит вклад и снимает с себя право отзыва его до истечения определенного договором срока. Это – первое.

Второе. Были и раньше законопроекты по безотзывным вкладам. Но они носили такой перекосяк в сторону абсолютной безотзывности. И понятно было, что такие законы были обречены на неприятие обществом. А в нашем законопроекте мы четко прописали с десяток условий, что гражданин всё-таки может в любое время снять этот вклад. Там всё прописано конкретно. В дальнейшем форс-мажоры, семейные и так далее, всё прописано.

Более того, этот законопроект был обсужден широко в банковском сообществе. Не сказать, что все там его с восторгом воспринимали, но после длительных дискуссий он принял ту форму, в которой мы его внесли.

Вот мой коллега Павел Алексеевич сидит. Он был, правда, не сторонником этого законопроекта, но я бы не сказал, что ярым противником.

И ничто, как говорят, не предвещало. Законопроект был рассмотрен экспертным комитетом Государственной Думы, и его ждала судьба по прохождению всех инстанций. Но в один прекрасный день журналисты спросили Президента Дмитрия Анатольевича Медведева, как он относится к этой идее. И он на это сказал буквально следующее, что Гражданский кодекс – это наш выстрадавший кодекс. Он еще не много поработал, поэтому не пришло время его менять.

Поэтому, я так думаю после такого высказывания, что на определенный срок надо все мысли о продвижении такого типа законов оставить.

А то, что Аксаков говорил вчера, очень интересно о безотзывном сертификате. Во-первых, это – масло масляное. Сертификат безотзывен по определению. Там, как и в векселе, стоит срок погашения. Никто его не вправе досрочно предъявить. Это – раз.

Во-вторых, там тоже есть непреодолимые противоречия, потому что любой сертификат вступает в дискуссию с законом о страховании, так как сегодня максимальный размер вклада ограничен 700 тысячами.

Кстати, в нашем проекте мы тоже оговорили, что безотзывный, срочный вклад может быть не более чем 700 тысяч, то есть суммы, ограниченной законом.

Вообще это был настолько мягкий законопроект. Если бы не такая реакция высшего руководства, может быть, он бы и прошел.

Так вот, сертификат как бы выпадает из этой линии, так как их можно купить в количестве 700 тысяч рублевых сертификатов и тем самым диверсифицировать то, с чем сейчас борется АСВ - дробление вкладов.

Поэтому и будут возражать АСВ-шники. И вообще очень сложно себе представить работу этой ценной бумаги в рамках закона о страховании.

Поэтому такая сложилась политическая ситуация. Кстати, не говоря о том, что этот наш закон решал бы все проблемы с длинными пассивами. Не решал бы. А анализ показал, что максимум при самом лучшем развитии ситуации, на что можно было банкам рассчитывать, в пассивах расчет этого вклада, ну 2, ну 3, ну, максимум 5 % пассивов. И тем самым, конечно же, законопроект не отменял другие вклады. Больше того, он ориентировался на очень небольшой объем длинных, нормальных, хорошо сбалансированных пассивов. Но произошло то, что произошло. Поэтому надо мириться с суровой действительностью.

Спасибо.

МЕДВЕДЕВ П.А.

Юрий Борисович не совсем точно мою позицию сформулировал. Это я раньше был против безотзывных вкладов. Потому что я думал, что в мирное время вклады и так не отзываються. А когда кризис, тогда вы хоть безотзывный, хоть не безотзывный, люди придут к вам бить стекла.

Есть один банк, название которого я забыл, и главный начальник которого, естественно, мой бывший студент, фамилию которого я помню, но не скажу, который мне сказал, что они во время кризиса в 2004 году пытались остановить отток тех вкладов, которые были на срок этому банку доверены, и вызвали создание толпы около банка. И другие деньги были отозваны в объеме, в разы большие, чем можно было бы потерять от тех вкладов, которые они пытались удержать.

Поэтому моя позиция изменилась. Банкиры меня всегда упрекают за то, что я против этого закона. И я решил им отомстить. Я теперь – за этот закон.

МЕЛИКЪЯН Г.Г.

Друзья, я сейчас немножко еще спровоцирую дискуссию на эту тему. Но я хочу сказать, что я, в принципе, поддерживаю введение этого вклада, хотя не ярый такой сторонник, чтобы прямо надо было биться за этот вклад.

Но у меня вот такой вопрос к двум идеологам нашим. Они на самом деле идеологи – Павел Алексеевич и Юрий Борисович, они в значительной степени идеологи, которые участвовали в этой дискуссии.

Вот на Западе почти нигде нет такого рода вкладов. Там есть так называемое правило предварительного уведомления. Оно распространяется практически на все срочные вклады.

То есть, вы положили на 3 года вклад, но вдруг вам нужно получить его. Вы приходите в банк, в разных странах и в разных банках разные правила. Но вы должны заранее договориться с банком, уведомить его о том, что вы хотите взять. И вам скажут: «Приходи, дорогой друг, через 2 недели. Мы тебе твой вклад вернем». Где-то ты потеряешь проценты, где-то – часть процентов.

Но вот такого вклада за рубежом почему-то нет. Вы можете сказать, почему они не пошли по этому пути? Никто не думал над этим? Может быть, там какие-то подводные камни есть?

ЗЕЛЕНСКИЙ Ю.Б.

Я хочу сказать, уважаемый Геннадий Георгиевич, что раздумья и продвижение к написанию этого нового законопроекта о безотзывных вкладах, они проходили очень сдержанно. И как раз то, о чем вы говорили, красной нитью проходило: «Это, что – российское изобретение?», и так далее. Так нам на это эксперты говорили, и все страны проходили такого рода искусственное ограничение изъятия.

Почему? 2004 год – это год такого псевдо-кризиса, кризиса доверия. Он показал, что при малейшей панике граждане кидаются в банк и начинают на всякий случай снимать.

Я через это проходил. Я еще был банкиром в свое время. Граждане снимали вклады, а потом, увидев, что банки возвращают, никакого кризиса нет, и вся эта сплетня, которую раньше конкуренты любили распространять, не соответствует действительности. И граждане несут его назад и при этом теряют. Они расторгают договоры трехлетние на хорошую ставку. Вот это паническое настроение он, на всякий случай, снял. Потом приходит в тот же самый банк, возобновляет, теряя.

Так вот, один из аргументов, он, может, не очень железный, но он таким образом звучал, он вообще воспринимался сообществом, что это вклад не вообще, вот гражданин решил все свои деньги в этот вклад вложить. Он просто решил часть своих денег, часть пассивов создать банку этим вкладом. Ну, будем говорить так - не дергаясь. Вот он сам для себя говорит: «Я открываю безотзывный вклад на 3 года. Вот на эту сумму я не дергаюсь, что бы там ни было. Я этот риск на себя принимаю. Да, может быть паника, но я не дергаюсь, потому что этот вклад мне как бы не вернут по закону».

Хотя, еще раз повторяю, поднимите текст. Вы увидите там тысячи поводов, когда гражданин может прийти, сформулировать четко и ясно позицию, что там произошло, и вклад этот снять.

Поэтому одна из целевых задач внедрения этого вклада – это дать людям какую-то часть своих сбережений положить в банк на длительный срок и не дергаться.

Еще раз повторяю, эксперты нам говорят, что аналогичные вклады были везде, были во многих странах в свое время.

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Были, но сейчас я вам говорю, что почти во всех странах действует такое правило – правило предварительного уведомления.

ЗЕЛЕНСКИЙ Ю.Б.

Согласен.

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

И, кроме того, все говорят, что недели, 10 дней выше крыши хватает. Через 10 дней люди убеждаются, что всё спокойно и потом решают не забирать этот вклад.

ЗЕЛЕНСКИЙ Ю.Б.

Я, что еще могу сказать? Когда мы говорим об опыте других стран, кстати, по-моему, у вас вчера звучал очень правильный подход, что мы всего за 15 лет прошли гигантский путь.

И я хочу сказать, что за те годы, когда развивались те банковские системы, те финансовые системы, там уже и сложилась несколько иная ситуация. Я не знаю ни одной страны, где у гражданина на сегодняшний день была бы единственная возможность хотя бы сохранить свои вклады, кроме как принести их в банк.

Рынок фондовый рухнул, пенсионных фондов нет. Если уж по большому счету, то сегодня российскому человеку, если у него скопилась какая-то небольшая сумма денег, кроме как принести их в банк и положить, больше некуда. Нет такой ситуации нигде. Там везде человек последнее в банк не приносит. Он диверсифицирует вклады. Во-первых, там, как говорится, разветвленная система финансовых консультантов. Ни один американец не купит акцию напрямую. Он сначала придет к финансовому консультанту, у которого 20 лет стажа, который живет с ним на одной улице и дает ему советы. Он не принимает таких решений.

Поэтому понятно, что он примет решение снять деньги с банка, исключительно посоветовавшись со специалистом, которому он доверяет.

У нас другая ситуация. Мы из этого исходили.

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Спасибо. Пожалуйста, еще вопросы, может быть, комментарии по этим, по другим вопросам. Нет желающих?

ТАРАДОВ Д.А.

У меня вопрос по консолидированному надзору. Центральный Банк долго шел к этому, добивался, согласовывал определенные вещи с Минфином.

В итоге сейчас может получиться такая ситуация, когда наряду с отчетностью банков ЦБ также получит для анализа или для регулирования уже отчетность компаний, которая куда менее прозрачна и не может так легко анализироваться, как банковская отчетность.

Поэтому вопрос. Что хочет Центральный Банк добиться от этого консолидированного регулирования, и как его выстроить эффективно?

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Давайте начнем с того, что мы не собираемся заниматься регулированием и надзором за компанией. Мы продолжаем заниматься надзором за банками. И, когда мы говорим о банковских группах, и говорим о банковских холдингах, мы имеем в виду кредитные организации, входящие в состав этих групп и холдинги, те риски, которые кредитные организации в составе банковских групп или банковских холдингов принимают на себя.

Естественно, то, что они работают в связке, в рамках банковской группы и банковского холдинга, влияет на устойчивость этих самых кредитных организаций, входящих в этот состав.

Мы, кстати, столкнулись с этими представлениями на стадии обсуждения этих вопросов на разных стадиях и в разных инстанциях. И действительно высказывались такого рода опасения, что вы собираетесь осуществлять регулирование и надзор за некредитными организациями, за промышленными и всякими прочими компаниями.

Мы били себя в грудь, причем делали это абсолютно искренне, откровенно и говорили: «Да, мы не собираемся. Надо, на самом деле, оставить за банками и за кредитными организациями соответствующий надзор».

Поэтому мы привлекаем эту информацию только лишь для того, чтобы иметь лучшее представление о состоянии устойчивости кредитных организаций. Ничего больше.

Насчет анализа состояния некредитных организаций. Мы, кстати, и без всякого консолидированного надзора занимаемся анализом состояния некредитных организаций, когда банки выступают кредиторами этих самых некредитных организаций. Оценивая качество кредитов, мы, естественно, оцениваем устойчивость этих некредитных организаций.

То же самое мы можем делать, и когда речь идет о том, что эти организации связаны с кредитными организациями в рамках банковских групп и банковского холдинга, особенно, имея в виду по общему правилу довольно тесные экономические и кредитные в том числе, и всякие прочие финансовые связи внутри банковской группы и банковского холдинга.

Но я еще раз отмечаю, что всё это делается исключительно для того, чтобы оценить устойчивость кредитных организаций. Мы не будем переживать из-за устойчивости некредитной организации самой по себе. Вот только если эта неустойчивость в нашем представлении ведет к неустойчивости кредитных организаций, входящих в состав этих самых групп или холдингов, тогда мы действительно будем беспокоиться. Но требования свои мы можем предъявлять только к кредитным организациям, входящим в состав соответствующей группы и соответствующего холдинга.

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Мы можем, правда, обратиться, если есть у какой-то структуры, некредитной организации свой регулятор, мы можем обратиться к этому регулятору и накапать на эту организацию, которая действует не так правильно, как мы считаем нужным.

Я полностью разделяю точку зрения, о которой сейчас Алексей Юрьевич сказал, что нас интересует устойчивость только банков, то есть, только кредитных организаций. Никаких помыслов регулировать деятельность, например, промышленных предприятий у нас нет.

Просто весь мир уже по опыту понял, что есть некие факторы, без реализации которых невозможно осуществлять эффективный надзор за банками. Ведь банк существует не один. Он существует в окружении других организаций. Причем очень часто действительно группа, куда входят и банки, и не банки, и страховые компании, и финансовые, инвестиционные и так далее. Эта группа перемещает риски от одной структуры внутри себя в другую. Поймай, найди это.

Уже давным-давно мир определился, что надзирать за банками эффективно можно только, если ты знаешь информацию по всей группе, с которой данный банк связан.

Поэтому они и приняли решение о консолидированном надзоре. Но у нас никак не шел этот проект. Мы его, наверное, лет 7 пытаемся продвинуть. Вот только сейчас продвинулись.

И второй момент. Уже весь мир давным-давно пришел к выводу о том, что невозможно в нормативных документах или в законах так четко и так однозначно всё прописать, чтобы можно было, чтобы действовала система такая: ты сделал шаг в сторону на 70 сантиметров, тебе наказание – 1 год. Ты на 80 сантиметров, тебе – 1,5 года.

Даже Уголовный кодекс и тот говорит, что при таких-то нарушениях срок от 2 до 5. Только мы никак не можем прийти к положению о том, что надо использовать профессиональные мотивированные суждения и так далее.

Но я хочу здесь подчеркнуть, что я вообще далек от мысли считать, что те люди, которые воспринимают нас в данном вопросе оппонентами, они вообще никаких аргументов не имеют, они упираются просто потому, что им не хочется, чтобы Центральный Банк что-то делал. У них на самом деле есть очень веские аргументы, тем более, в текущей ситуации. Потому что совершенно очевидно, когда вы расширяете интервал, в рамках которого можно принимать надзорные решения, то вы фактически расширяете возможность коррупции.

И я считаю, что это тоже чрезвычайно важно. Поэтому мы тоже бьемся – весь наш блок надзорный. Мы хотим там продвинуть некоторые вещи, связанные с мотивированным суждением. Но вообще ничего не получается. Мелкие вещи есть. Даже кое-где мы там зафиксировали этот термин, что очень важно. У нас есть некие договоренности с депутатами Думы, которые там влияют активно. Кто-то там уже на такой позиции, что можно вести обсуждение. Но в обществе понимания в целом пока нет. Но я думаю, что придем, будем бороться дальше.

Пожалуйста, еще у кого вопросы.

ДОСТОВ В.Л.

Я бы хотел, поскольку все комментарии сходятся в одной точке, задать следующий вопрос. Вы только что сказали о возможности расширения надзора кредитных организаций над организациями некредитного характера деятельности.

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Нет, надзора нет.

ДОСТОВ В.Л.

Ну, наблюдения.

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Наблюдения за ними. Нас они интересуют только в той части, как ситуациях в этих организациях или действия этих некредитных организаций влияют на устойчивость кредитной организации. Только в этой части. Мы за ними не надзираем.

ДОСТОВ В.Л.

Смотрите, если у вас появляется такой инструмент, который вы для этого используете, не является ли это возможностью вернуться к обсуждению годичной давности, что возможно Центробанк может надзирать над различными организациями, занимающимися платежной и иной деятельностью, кооперативы кредитные. Вот мобильные операторы, которых впихнули в закон при помощи некой связки с кредитной организацией. Есть ли какая-то идея? Но опять-таки это вопрос абсолютно далекого будущего. Конечно, в принятом законе ничего этого не будет.

Но есть ли такая идея расширить полномочия Центробанка и не делать тех же сотовых операторов в связке с кредитными организациями, но надзирать в какой-то части за сотовыми операторами?

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Я не знаю, какая позиция у Татьяны Николаевны в части сотовых операторов, терминальщиков, как их называют, и так далее.

Я хотел бы более широко вопрос поставить. Есть проблема создания мегарегулятора.

Вы знаете, несколько лет назад была очень острая дискуссия, в которой участвовал, в том числе, Центральный Банк, участвовали различные специалисты, теоретики, практики. Это была очень горячая дискуссия. Причем нельзя сказать, что она под собой ничего не имела. Она имела под собой опыт целого ряда стран, которые создали у себя мегарегулятор. Например, та же Европа очень широко пошла. После того, как англичане создали свою FSA, многие в Европе стали создавать мегарегуляторы, в некоторых других странах создавали мегарегуляторы. И за этим, между прочим, тоже кое-что шло.

Что шло? То, о чем мы с вами немножко говорили, что риски можно передвигать. Если, например, будут в одной системе надзора, под одной организацией банки, другие кредитные организации, страховые компании, инвестиционные компании, пенсионные фонды и так далее, то есть, если будет надзор и за фондовым рынком, то этому мегарегулятору будет проще осуществлять надзор в целом – и за кредитными организациями, и за некредитными организациями.

Хотя я бы не брал Великобританию, как образец того, что там происходило, распространяя во всем мире. Потому что я просто знаю, и читал эту историю. В Великобритании создание FSA, и самое главное – то, что изъяли надзор тогда у Банка Англии, это вопрос был в большей степени политический, чем экономический. И, конечно, экономические основы были те, о которых я говорил, что проще надзирать, когда у одного регулятора или надзорного органа, под ним большое количество всяких связанных структур.

А в Англии – совсем другое дело. Там был на самом деле большой конфликт между Премьер-министром и председателем Центрального банка. А так как у них Премьер-министр имеет большинство в парламенте, его партия, то они провели закон, который урезал полномочия Центрального банка, отобрали надзор, создали отдельную структуру и так далее.

Сейчас, как вы знаете, они приняли уже другие решения. Надзор возвращается в Банк Англии, FSA перестает в таком виде функционировать. Там будет создана другая структура, даже не одна. Там же где-то они будут заниматься частично вопросами, которые мы сегодня обсуждали, связанными с макропруденциальными делами, и так далее. В общем, они там сейчас делят полномочия, но Центральный банк опять становится надзорным органом за кредитными организациями по целому ряду направлений.

Кстати, должен сказать, что теперь тенденция обратная. Если некоторое время назад во многих странах изымали у центральных банков надзорные функции и передавали мегарегулятору, то сейчас массово пошел обратный процесс. Где-то это сделано в полном объеме, где-то это сделано частично.

Но, например, в Австрии в Центральный банк вернули подразделение, которое занимается инспектированием банков. В Германии существенно усилили роль Бундесбанка в области надзора за кредитными организациями. А был момент, когда они его отодвинули существенно на второй план. И там надзорное ведомство осуществляло основные функции, даже фактически все функции.

Сейчас идет обратный процесс в очень многих странах. То есть, качнулся маятник в другую сторону.

Вот наша позиция была и остается неизменной. Она заключается в том, что да, есть целый ряд аргументов, который говорит о том, что всё-таки эффективно иметь мегарегулятор.

С другой стороны, есть масса преимуществ, когда надзор за банками осуществляет Центральный банк. И эти преимущества, кстати, активно проявились в период последнего кризиса.

Я вам напомню еще, когда создавалась FSA, то Гринспен – в то время глава ФРС Соединенных Штатов, высказал такую точку зрения, что вообще всё-таки для того, чтобы была эффективной денежно-кредитная политика Центробанков (а как вы понимаете, на функции по осуществлению денежно-кредитной политики нигде в мире на полномочия Центрального банка никто не покушается), так вот, он говорит, чтобы была эффективная денежно-кредитная политика, Центральный банк должен обязательно осуществлять, может быть, не все, но какие-то функции по надзору за банками. Для чего? Для того чтобы эта денежно-кредитная политика проводилась с учетом оценки реальной ситуации на финансовых и денежных рынках, а не чтобы эту информацию кто-то теоретически от кого-то получал, и так далее.

То есть, надо держать в какой-то степени руку на пульсе. А это делается через надзор за банками, пусть не за всеми. Но вот ФРС, вы знаете, они надзирают только за частью банков – наиболее системных, крупных и так далее.

Надо держать руку на пульсе. Только в этом случае ваша денежно-кредитная политика будет эффективной. Но последний кризис показал (и это, кстати, было оценено очень многими зарубежными специалистами), вот, например, пример России. Они говорят: «Вам удалось достаточно быстро и эффективно сработать в значительной степени потому, что у вас Центральный банк осуществляет и надзор, и располагает ресурсами, и определяет денежно-кредитную политику. То есть, мы, во-первых, осуществляем надзор, быстро поймали ситуацию, что она вот такая. Оценили ее. И у вас ваш банк осуществляет рефинансирование, у вас есть ресурсы. Вы сразу осуществили меры по поддержке банков.

Если бы все эти функции выполняли разные организации, то по жизни было бы так, что, пока вы оцените эту ситуацию, вы надзором не занимаетесь, значит, вам это придет через какие-то каналы от других организаций. Потом кто-то там, предположим, Правительство будет решать вопрос о выделении денег, и так далее. Это всё затянется, будет очень долго. И вы сработаете, но не с той эффективностью, какую можно было получить.

То есть, всё-таки мне кажется, что вот такой путь, что Центральный Банк должен был бы осуществлять надзор за банками, Центральный Банк осуществляет функции регулирования. И Центральный Банк, естественно, проводит денежно-кредитную политику.

Теперь у нашего Центрального Банка еще появились функции по макропруденциальным формам регулирования. Правда, вчера, когда дискуссия шла, там прозвучала такая мысль, что вообще непонятно, что это такое. Честно сказать, мне было тоже не очень понятно.

Более того, я некоторое время назад был на одной серьезной международной конференции, в которой участвовало, наверное, 1,5 – 2 десятка председателей Центробанков очень известных стран. И там возник острый спор между Стенли Фишером, который раньше был вторым человеком в МВФ, и сейчас он председатель Центрального Банка Израиля. Так вот, возникла очень острая дискуссия между Стенли Фишером и Трише. Трише – это пока еще председатель Европейского Центрального Банка. И Стенли Фишер, когда выступал, сказал: «Вы знаете, я что-то никак не мог понять, каковы внутренние инструменты макропруденциального регулирования». Он говорит: «Какие инструменты у денежно-кредитной политики, я понимаю. Какие инструменты и механизмы у пруденциального надзора за банками, я понимаю. А вот что, собственно, внутренние, имманентные инструменты у этого макропруденциального регулирования, я понять никак не могу». На него сразу наехали не только Трише и вся эта компания, которая там участвовала.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Я сегодня счастливо отделался.

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Да, Алексей Юрьевич, хотя все так не наехали, как там на Стенли Фишера.

Но на самом деле, на мой взгляд, безусловно, есть системные риски, которые должны каким-то образом учитываться и регулироваться.

Причем я так представляю, что эти системные риски могут возникать по-разному. Они могут возникать от каких-то неточностей или недостатков денежно-кредитной политики, в пруденциальном регулировании банков. Они могут возникать даже на хорошей основе. Ну, например, как на хорошей основе? Вы помните, те же Соединенные Штаты были лидерами. Они породили ипотеку. Очень широко была развита ипотека, в огромных масштабах. Но я вам скажу, что перед кризисом ипотека в Соединенных Штатах, ипотечные кредиты, если их отнести к ВВП США, составляли 92 % от ВВП Соединенных Штатов. 92 %. Правда, у них ипотека не так считается, как у нас. У них там юрлица в этом деле в учете есть. Но 92 % ВВП американского.

У нас (правда, это наша ипотека), ВВП – это 1 %, у них – 92%. У нас весь объем кредитов, весь портфель кредитный, ВВП – 37 %. А у них только ипотека 92%.

Так вот, вы знаете, как некоторые производные инструменты формировались и развивались. Под эти ипотечные кредиты, в том числе, и под такие «нехорошие» кредиты они выпускали производный инструмент. Например, какая операция? Вот у вас выданы ипотечные кредиты, есть какой-то портфель. Вы выпускаете ценные бумаги. И он является как бы обеспечением. Грубо говоря, вот эти все кредиты делятся на какие-то маленькие кредитики, и к огромному количеству структур они попадают, они их покупают. Хорошо диверсифицированная система, все застрахованы. Всё здорово. Можно сколько угодно делать эту систему, развивать. Если даже у тебя были плохие кредиты ипотечные, то кто-то провалился, кто-то не вернул этот ипотечный кредит. Ну и что? Я один пострадаю на 3 копейки. Ну, еще все на 3 копейки пострадают. Никто не умрет. И всё вроде бы нормально.

Я примитивно рассказываю, но, по-моему, вот так – более доходчиво.

Но когда масштабы этих процедур, этого процесса становятся огромными, то риски ложатся уже не на конкретные организации, а на систему в целом. И если где-то ипотечные кредиты не возвращаются, то начинает трясти всю систему. Собственно, то, что произошло в Соединенных Штатах.

То есть, риски каких-то отдельных структур приобрели системный характер. И уже вопрос надо было решать на системном уровне какими-то действиями, которые охватывают всех.

Это, может быть, немножко примитивный пример. Но системные риски во многих случаях возникают от таких вот действий. Они могут не отреагировать никак. Если это очень крупный банк, он несет системные риски.

Или же, если вы закрутили гайки, например, в проведении денежно-кредитной политики таким образом, что у вас ликвидности стало очень сильно не хватать, что у вас возникнет? Системный риск. Может наступить угроза потери ликвидности сразу же большим количеством организаций, которые работают на рынке. Кто-то должен этим заниматься.

Конечно, этим могли бы заниматься и структуры, которые занимаются микропруденциальным надзором за банками. Но всё-таки здесь есть какой-то особый элемент. Всё-таки здесь какой-то может быть другой подход – макроподход. Почти все страны Европы, большинство, во всяком случае, создали различные структуры теперь, которые занимаются макропруденциальным регулированием. Пока это только произошло, последний период. Создана структура, которая действует в общем рынке на уровне общеевропейском. И очень интересно, где эта структура должна быть.

Вот у нас внутри тоже была дискуссия. Потому что стоял вопрос о том, где создавать вот этот департамент макропруденциального регулирования? В рамках надзора или в рамках денежно-кредитной политики?

Вот практически вся Европа пошла по пути, когда этот департамент создается в рамках денежно-кредитной политики. Видно, всё-таки правильный этот вопрос. И всё равно даже там, где есть надзор. Там только переход надзора в Центральный Банк и назад происходит вот сейчас. Может быть, действительно Алексей прав. Это, наверное, тоже повлияло на то, что это стало создаваться в рамках системы надзора.

Но должен сказать, что в целом в Европейской системе этой на сегодня этот орган, который будет заниматься макропруденциальным регулированием, он создан при Европейском Центральном Банке. Они на ближайшие 5 лет, что функции этого органа будет фактически обеспечивать Европейский Центральный Банк. Там будут назначены некоторые особые лица, которые будут этим заниматься. Но секретариат Европейского Центрального Банка будет обслуживать вот

эту комиссию при Европейском Центральном Банке, которая берет на себя пока на ближайшие 5 лет эти функции по макропруденциальному регулированию.

То есть, всё-таки выделяется что-то такое, что требует какого-то особого подхода. Так всегда и было по жизни, может быть, меньше сказывалось. Когда большое количество агентов там работает, то системные риски реже возникают. Когда кто-то становится крупным, Ситибанк, например. Вот такого рода структуры, конечно, влияют в целом на систему. И, если с ними что-то случится, то, конечно, это уже системный риск.

МЕДВЕДЕВ П.А.

Геннадий Георгиевич, я не так, как вы, понял вопрос Виктора Леонидовича по поводу телефонной компании.

Я, если позволите, переформулирую так, как я его понял.

Предположим, есть телефонная компания, которая хочет заниматься расчетами. Почему бы ей не выдать маленькую, ограниченную лицензию? И пусть она занимается расчетами. Но тогда придется Центральному Банку за ней присматривать, как за не банковской кредитной организацией.

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Я не знаю. Татьяна Николаевна, если возьмет на себя. Мне уже это не хочется делать.

ЧУГУНОВА Т.Н.

Возможно, это – наше будущее.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Но если это – кредитная организация, то, очевидно, надзор над кредитными организациями. Но это – исключительная деятельность. А я не знаю, насколько совместима эта исключительная деятельность.

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Но в Европе во всех странах это есть.

ИЗ ЗАЛА

Примем этот вызов или нет?

СУХОВ М.И.

Вы знаете, при чем здесь вызов? Просто, когда ставился вопрос о том, что примем вызов или нет, на него, может быть, ответ, либо мы принимаем политику партии и правительства, либо нет.

Если вы спросите, делать это рационально или нет, я попробую тогда ответить на этот вопрос.

То есть, примите вызов – ну, да. Если я скажу «нет», то я – ренегат.

То есть, я считаю, что, в принципе, то понятие лицензирования, которое есть в системе нашего законодательства применительно не только к банковскому сектору на самом деле, оно не совсем вписывается в понятие лицензирования телефонных компаний и так далее. То есть, лицензирование означает специализированный вид деятельности. А лицензирование предполагает совмещение органа, который дает лицензию и правила в той или иной форме, которые эта организация соблюдает, выполняя этот вид деятельности, и возможности ее отозвать.

Там есть некая теория о лицензировании, которая касается не только банковской деятельности. Но, в принципе, в мире и это понятие тоже может претерпевать изменения.

Я не считаю, что лицензирование и деятельность лицензированных организаций является единственной формой регулирования сектора. Но это – моя точка зрения.

А бывают иные формы регулирования. Вот, например, деятельность саморегулируемых организаций. Есть организации, которые сами устанавливают правила игры, сами контролируют их соблюдение и имеют некую систему ответственности не через императивные правила и систему изъятия. Это – административная мера воздействия, но всё равно через некую систему властных взаимоотношений. По такому принципу работают арбитражные управляющие, работают сейчас в строительном секторе и так далее. Нужно посмотреть и этот опыт, где правила игры диктуют сами участники рынка. Потому что говорить о том, что лицензирующий орган может там предъявить некие требования к деятельности организаций, где всё равно доходы от этой деятельности будут 5 – 10 %, сложно сказать.

Другое дело, что если всё это переплетется настолько, что в рамках отдельных юридических лиц или холдингов подобного рода финансовая деятельность будет доминирующей, тогда внимание со стороны общества может приобрести иную форму.

Поэтому я не склонен к тому, чтобы загонять какую-то деятельность сразу под какое-то прокрустово ложе правил, инструкций, выдавать лицензии. Этого меньше всего хочется.

Более того, чем больше видов лицензий, тем больше возможность регулятивного арбитража. Поэтому лицензий, в принципе, много быть не должно. И тогда мы вводим новый тип лицензий, мы должны понимать, какие задачи мы хотим к этому решить.

Поэтому я тоже не хочу вам говорить о том, что какой-то путь развития является тупиковым. Просто-напросто вначале нужно, чтобы процесс получил какую-то общественную значимость, а потом думать, в какой форме его стоит регулировать. Потому что любой общественно значимый процесс попадает под те или иные формы отношения к нему общества. И неправильно говорить о том, что, если кто-то отказывается лицензировать, то сразу всё пускаем на самотек, сразу мы лишаемся возможности регулировать ситуацию. Нет, есть иные формы. Может быть, там 3 оператора или 4 на этом рынке между собой смогут выработать те правила игры, которые будут для них и для потребителей удобны. И здесь финансовый механизм будет более эффективным, чем механизм административный.

Поэтому, может быть, общество доверит эту работу регулятору. Не знаю. Но я не думаю, что сегодня, по крайней мере, на этом этапе мы готовы к каким-то там жестким мерам. Потому что надо говорить о том, что может быть лицензирование с таким режимом. А, может быть, можно дать лицензию, а потом забыть об этой организации, и она начнет действовать по правилам присоединения. Не надо бросаться понятиями.

И когда используется терминология, не надо подменять ее содержание. В рамках лицензирования есть совершенно определенный процесс, с которого я начал. Там есть выдача, контроль и возможность каким-то образом, причем достаточно жестким в том числе, реагировать на нарушения.

Но если речь идет о другой форме регулирования, может, это будет не лицензирование?

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Три короткие ремарки я сделаю.

В отношении последней темы просто свое экспертное мнение выскажу в моем понимании.

Если организация занимается финансовыми услугами и при этом создаются некие риски не только для нее самой, но и для людей, от которых она получает средства, то есть, от кредиторов в широком смысле этого слова, и это становится общественно значимым, то мне представляется, что такая организация фактически занимается банковскими услугами. А соответственно за ней должен осуществляться надзор, как за организацией финансовой или банковской, имея в виду. Что смысл надзора за кредитными организациями в этом и состоит.

А вопрос, насколько высоки эти риски сейчас, насколько они будут высоки потом, какой-то прогноз, который, без сомнения, требует специального изучения. И соответственно в зависимости от ответа на этот вопрос можно принимать решение организационное.

Второй момент – это в отношении распространения функций Банка России по надзору на очень широкую сферу. Привязывались к тому, что за сотовыми операторами. Мне больше сотовых операторов нравятся пчёлы. И я хочу, чтобы мне дали возможность осуществлять надзор за пчёлами. Там соты вкуснее.

ЗЕЛИНСКИЙ Ю.Б.

Но они кусаются.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

А банки? Пчела кусает, понимаете, это – с одной стороны я, с другой стороны – лекарство. А банки не кусают, может быть, но, в общем, ночами иногда не спишь.

И последнее. В связи с темой макро-, микропруденциального, я просто сошлюсь, я не буду называть организацию, я просто не помню, насколько открыт этот доклад, маленький фрагмент из которого я процитировал. Но гарантирую, что очень солидные организации, специализированно занимающиеся вопросами макропруденциальных вещей. Они говорят о том, что ясного разделения между микро- и макропруденциальным, хотя это полезно концептуально, но трудно практически разделить.

То есть, в этом смысле то, что мы с Геннадием Георгиевичем до последнего времени, но Геннадий Георгиевич раньше понял, а я позже, ничего удивительного. И те, кто специально занимаются, до конца понять не могут.

А если просто в меру моего непонимания. Вот есть макропруденциальная политика. Все знают этот термин. Она складывается из макропруденциального регулирования и макропруденциального надзора.

Вот в моем представлении, если от макропруденциального регулирования убрать кусочек «макро», ровно ничего не изменится. Потому что регулирование пруденциальное – оно, как правило, «макро». Но редко бывает регулирование на уровне отдельно взятого банка. То есть, оно «макро».

И задачей этого пруденциального регулирования всегда были не только устойчивость отдельно взятых кредитных организаций, но и системная устойчивость. Если бы был один аспект, то есть, надо принимать во внимание системные риски, надо принимать во внимание цикличность экономики и соответственно цикличность финансового бизнеса, то это просто – некий аспект, который принимается во внимание. И ставится несколько иная задача. Но почему это надо называть таким звучным термином «макропруденциальная»? Сразу приходит по аналогии «микропруденциальная», потому что пруд – это пруд, он всегда мокрый.

Теперь в отношении макропруденциального надзора. Надзор в моем понимании макропруденциальным быть не может, потому что надзор предполагает надзорные решения, надзорные действия. Они не могут касаться систем. Потому что в этой системе есть тот, кто принял повышенные риски, и кто не принял. Они, можно сказать, в любом случае то, что касается «микро», они тоже пруденциальные. Зачем тут нужно «микро»? Оно тут лишнее.

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Вы обратили внимание, что в последнее время в литературе термин «макропруденциальный надзор» уходит. Если раньше говорили «микро» и «макро», «макропруденциальный надзор», в последний период и в зарубежной литературе, и у нас появляется термин «макропруденциальное регулирование». А термин «надзор» стал уходить.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Макропруденциальное регулирование формально возражений не вызывает. Но еще раз повторяю, кусочек «макро» тут лишний.

КРОЛЛИ О.А.

Добрый день!

Кролли, Университет экономики и финансов, Санкт-Петербург.

Хотелось бы вернуться к вопросу эффективности надзора и возникающих системных рисков, а также к той цифре, которая прозвучала на данном заседании о том, что достаточно много средств было вывезено из России в этом году.

Хотелось бы получить ваш комментарий касательно будущего применения закона № 176-ФЗ, в котором были внесены изменения в закон № 115. Речь идет о применении административных мер воздействия к ответственным сотрудникам филиалов и к другим исполнителям за малейшие нарушения в работе по легализации.

Не возникнет ли риск того, что малейшее нарушение, буквально проставление галочки не в ту клетку, вызывающее у ответственного сотрудника административный штраф в размере 1/3 его заработной платы ориентировочно, вызовет просто отток этих сотрудников в другие направления банковской деятельности?

Мне представляются, если графически это изобразить, легализаторы, как большая река. Ответственные сотрудники стоят, как плотины. Мне кажется, что таким законом мы просто бьем по плотине, эта плотина начинает рушиться, а воды при этом меньше не становится.

Хотел бы услышать ваш комментарий по этому поводу.

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Я не знаю, у нас Елена Ивановна Ищенко здесь?

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Без Елены Ивановны мы на этот вопрос не можем ответить.

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Кто готов?

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Проблема эта на самом деле известная. И банкиры этот вопрос ставили.

Вот насчет того, насколько эта проблема решена, и как она решается, я не уследил за развитием ситуации. Возможно, она такая, как в той песне «Снова замерло всё до рассвета». Но рассвет, я уверен, будет. Потому что никто не хочет смывать плотины.

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Вы знаете, я не буду это комментировать в части, о которой вы сказали. Я просто хочу, чтобы вы все представили, что какими-то административными мерами решить серьезно проблему вывода капитала невозможно. Наверное, как-то можно сделать. Надо только вернуться в старую систему. Вот если вы построите границы, можно сделать, как в Советском Союзе. А там возможности ограничить вывоз или свести его если не к нулю, то к какой-то близкой величине, наверное, можно.

Но если у вас то законодательство в основном, которое существует в России, а мы на сегодня по валютному законодательству – одна из самых либеральных стран. Мы немножко события опередили. Может быть, надо было идти по этому пути, но чуть-чуть, а не вот так прыгнуть сразу. Но раз сделали этот шаг вперед далеко, то, наверное, возвращаться смысла нет.

Но административными путями закрыть это нельзя.

Есть более радикальный и более серьезный путь. Это создание нормального инвестиционного климата, чтобы бизнес, прежде всего, наш бизнес не уходил из страны. Наш бизнес не будет уходить из страны, будет приходить их бизнес сюда.

Вот надо сделать так, чтобы никто не наезжал, чтобы была защищена собственность, чтобы нормально работала правоохранительная система, чтобы нормально работала судебная система. Вот тогда будет порядок, и деньги потекут в Россию очень широким каналом.

А все эти административные меры – ну, здесь чего-то сделаете, там сделаете. Я, почему так говорю? Потому что я еще в инспекции работал. Мы вели страшную борьбу по некоторым каналам вывода капитала. Я помню, это было, наверное, лет 5 назад, как у нас есть департамент платежного баланса в Центральном Банке, который ведет 7 направлений, которые они отслеживают. И по своим правилам они взяли методику соответствующую и говорят, где фиктивный вывоз капитала. То есть, фиктивный, ненормальный, путем обхода законов, получения каких-то нехороших документов, липовых накладных и так далее.

Ну, например, импорт услуг. Через импорт услуг можно выводить капитал. Но там есть услуги, которые реально оказали нам конкретные структуры, и мы оплатили им какие-то суммы. А есть, когда этот импорт услуг фиктивный.

Потом я помню, как мы добились существенного результата. А департамент платежного баланса каждый месяц дает информацию, по какому каналу что происходит. Но я помню ситуацию, как я приношу Игнатьеву таблицу с графиком: «Вот вам, пожалуйста, это направление. Вот мы сделали то-то с такими-то банками. Вот, посмотрите график. Не я его делал. И я это всё сделал на базе данных департамента платежного баланса». Он посмотрел, говорит: «Ну, молодцы! Ну, это ж надо так было всё».

И вдруг смотрю то, что дает департамент платежного баланса по этому направлению, вот так идет. Вот так кривая идет – рост по другому направлению. Они изобрели способ через ценные бумаги, через фиктивных нерезидентов производить такой возврат денег.

Я потом Игнатьеву показал и то, говорю: «Вот, видишь, на сколько мы здесь сделали, на столько выросло по другому каналу». Мы можем закрыть этот канал, появится еще 20 штук.

Поэтому или мы должны всё закрыть, или надо создавать нормальный инвестиционный бизнес-климат, чтобы деньги не уходили.

Вот и всё.

ИЗ ЗАЛА

У меня небольшой практический вопрос.

После окончания активной фазы кризиса Банк России стал сворачивать инструменты фондирования банковской системы, беззалоговые аукционы закрыты. И кредитование под залог кредитного портфеля по 312-П изменилось. Срок сокращен с 1 года до 3 месяцев. Дисконты повышены, коэффициенты понижены.

Вот в части 312-П планирует ли Банк России сохранять этот инструмент, как постоянно действующий? Можно ли при расчете определенных сценариев управления ликвидности опираться на этот инструмент? Сейчас он не востребован, потому что рыночная стоимость денег гораздо ниже тех ставок, которые Банк России готов предоставлять. Но, возможно, через некоторое время стоимость денег приблизится к ставке рефинансирования, и банки вновь пойдут в Центральный Банк закладывать кредиты и получать фондирование.

Это – один вопрос. И еще, если позволите, один.

Исходя из озвученных вами прогнозов по инфляции, Банк России, по идее, не должен больше ставку рефинансирования поднимать в этом году, по крайней мере, пока не будет собран новый урожай. Можно на это надеяться?

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Это вопрос не совсем из нашего блока. Но, тем не менее, давайте, я отвечу.

В период кризиса Центральный Банк действительно, даже до кризиса это было, мы стали к этому готовиться до кризиса. Почему-то у нас было представление, что будут трудные времена впереди, и нам придется обеспечить довольно большой выброс денежной массы в экономику для того, чтобы снять некие проблемы. Мы это предвидели заранее. Но мы уже рассказывали, и, наверное, вы слышали. Когда-то еще до кризиса я, выступая на конференции в Нижнем Новгороде, предупреждал и просил: «Ребята, имейте в виду, что могут наступить трудные времена». Там меня вначале подняли на смех, а потом впечатали: «Откуда ты это всё взял?».

Но, тем не менее, они потом проявились. Поэтому мы готовились на самом деле заранее. Мы предвидели, что будет что-то. Я не хочу сказать, что мы полностью там предвидели кризис в таком виде, в каком он прошел. Но, тем не менее, многие вещи предвидели. И мы заранее стали готовиться к тому, чтобы можно было существенно увеличить рефинансирование. И заработал целый ряд инструментов. В том числе, 312-П было существенно расширено, потому что до того оно в значительной мере действовало.

Аналогичные меры были, вы помните, введены. Вначале когда-то мы ввели это в виде эксперимента, потом расширили, эти меры работали, но работали в ограниченных моделях.

Мы ввели целый ряд новых серьезных инструментов. Прежде всего, это, конечно, беззалоговое кредитование. И в значительной степени проблему сняли с ликвидностью в экономике через беззалоговое кредитование, которое по масштабам превосходило все остальные виды рефинансирования. Беззалоговое кредитование было доведено, где-то, наверное, пик был – февраль, март 2009 года, когда общая задолженность банков перед Центральным Банком подошла к 2 триллионам рублей. Был там 1 триллион 920 миллиардов. То есть, это огромные уже суммы для нас.

Я в докладе своем давал цифры, что перед кризисом доля средств Центрального Банка в пассивах всей банковской системы составляла меньше 1 %, 0,9% примерно, а в период кризиса поднялась до 12 %. То есть, это очень серьезный показатель.

Когда стал кризис завершаться, как вы знаете, мы действительно стали сворачивать целый ряд мер. Кстати, не только в системе рефинансирования. Мы стали сворачивать и в области надзора целый ряд мер. Мы вначале ограничили по длине деньги, которые давали, например, по беззалоговому кредитованию. Потом свернули это беззалоговое кредитование совсем. Потом стали немножко сжимать 312-П. И, в общем-то, это, я считаю, вполне нормальная система. Потому что кризис миновал, экстраординарные меры действовали. Они свою пользу принесли. Они помогли банкам и экономике пережить серьезные проблемы. Когда острота кризиса упала, то нужды в этих мерах уже не было. И они стали сворачивать.

Я не могу со стопроцентной уверенностью вам сказать, что то, что осталось от 312-го, сохранится в таком виде. Но, насколько я знаю своих коллег по блоку денежно-кредитной политики, они в полном объеме не собираются убирать этот инструмент. Но я хочу, чтобы вы представляли всё-таки позицию Центрального Банка. Мы уже вопрос на этом нашем конгрессе поднимали, что есть разные виды участия Центрального Банка в снабжении экономики деньгами, и в снабжении банков ресурсами.

Вот та концепция, которая построена у нас, а примерно такая же существует в абсолютном большинстве стран с рыночной экономикой. Наверное, почти везде. Можно по пальцам пересчитать, где есть отклонения. Эта концепция построена на том, что Центральный Банк не является структурой, которая обеспечивает банки ресурсами, особенно для длинного кредитования.

Центральный банк – это структура, которая регулирует денежное обращение и регулирует ликвидность. Но то, что касается снабжения экономики длинными деньгами и вообще ресурсами, прежде всего, банков, то, на наш взгляд, эта функция самой экономики, может, в какой-то степени и Правительства, должна сама экономика продуцировать средства, необходимые банкам для осуществления кредитования. И так функционирует система практически везде.

У нас есть большая слабость. Эта слабость заключается в том, что наша экономика в силу своей неразвитости, неразвитости ее инфраструктуры, в необходимых объемах зачастую не продуцирует те ресурсы, которые нужны для кредитования. Прежде всего, речь идет, конечно, о длинных ресурсах.

Я уже об этом, по-моему, вчера говорил, что у нас не развиты системы страхования жизни, которые дают очень длинные ресурсы в больших объемах. Да и вообще страхование у нас не очень развито. У нас не развита система перестрахования, которая тоже дает очень большой объем ресурсов, в том числе, часто длинные. У нас не развита система негосударственных пенсионных фондов, которые дают длинные ресурсы. У нас не развита система инвестиционных фондов некоторых, которые участвуют, давая экономике длинные ресурсы.

То есть, у нас не развита та инфраструктура, которая за рубежом выступает, как система, снабжающая банки длинными ресурсами для кредитования.

Что делают все страны в этой ситуации? Они создают институты развития. Но так, кстати, делают не только те страны развивающиеся и с развивающейся экономикой, у которой сама экономика недостаточно мобильно продуцирует эти длинные ресурсы, но делают и развитые страны. Если вы возьмете Европу или Соединенные Штаты, то везде есть довольно мощные институты развития.

Я считаю, что такая же система должна быть построена и у нас.

И, в целом, снабжение деньгами экономики для целей развития и для целей кредитования – инвестиционного, прежде всего, это всё-таки не функция Центрального Банка. Между банком и регулятором должно быть определенное разделение труда. Ведь не просто так сделали, что у Центрального Банка закон, который ограничил его полномочия, в значительной степени регулирование в этой части, регулирование денежной системы.

А то, что касается обеспечения развития экономики, в том числе, и создания ресурсов для длинного кредитования, всё-таки это – функция Правительства.

Если Центральный Банк начнет этим заниматься, я не уверен, что это хорошо. Я думаю, инфляция сразу подскочит. Потому что был уже период у нас в 90-е годы, когда заставляли Центральный Банк выбрасывать деньги, заставляли Центральный Банк давать деньги не только банкам, но и промышленным предприятиям, некоторым другим предприятиям. Мы уже это проходили. От этого в конечном итоге отказались.

Вопрос другой. Вопрос, на мой взгляд, в том, что мы слишком поздно осознали, что надо создавать нормальный сектор развития. Мы это осознали где-то перед самым кризисом этим, за несколько лет. То есть, частично осознали раньше, но реально развить стали, особенно трансформация ВЭБа. Это должен был быть по закону, который о ВЭБе был принят, классический институт развития. Но, пока его создавали, пока его перепрофилировали, начался кризис. Бедный ВЭБ вместо того, чтобы заниматься развитием, стал заниматься поддержкой некоторых умирающих структур. То есть, временно он был переориентирован.

Сейчас кризис закончился. Насколько я знаю, ВЭБ сейчас поставил вопрос, получил определенную поддержку. Он сейчас будет разворачиваться в сторону выполнения своих, законом предусмотренных полномочий, выступать, как институт развития.

Я думаю, в какой-то степени, во-первых, они АИЖК создали, это тоже своеобразный институт развития. Слабенький, несопоставимый с тем, что в других странах, по масштабам. Да, несопоставимый. Но, тем не менее, это – организация, которая достаточно эффективно функционировала.

И вообще задача состоит в том, чтобы развить эти секторы рынка пока. Но одновременно надо развивать, конечно, те инфраструктурные системы, которые будут способствовать продуцированию средств для кредитования банков, прежде всего, длинного кредитования. Потому что короткие деньги у банков сегодня есть. Но периоды бывают разные. Иногда мы и сами гайки затягиваем. Мы вспоминаем кризис 2004 года. В общем-то, что там говорить. Посмотрите график, как это было? Посмотрите остатки на счетах предприятий в банках. Вы увидите, что мы тогда, борясь с инфляцией, сжали довольно сильно денежную массу, и это тоже повлияло на общую ситуацию.

Еще раз подчеркиваю, это нужно делать, но это не функция Центрального Банка.

ИЗ ЗАЛА

А про ставку рефинансирования?

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Про ставку рефинансирования, вы знаете, я вообще не готов ничего сказать. Я уже отмечал в своем докладе, Сергей Михайлович об этом говорил, что период, когда у нас была избыточная ликвидность, он, видимо, подходит к концу. Об этом мы говорили в первый день выступлений. Это прозвучало и у Игнатъева в той или иной форме, и у меня в докладе.

Я думаю, что это, конечно, влияет на то, как мы будем вести свою политику в области ставки.

Но действует еще целый ряд факторов, которые надо учитывать для того, чтобы принять конкретные решения по ставкам. У нас перед тем, как мы собираемся и обсуждаем ставку, мы предварительно несколько раз собираемся, обсуждаем ее у председателя. Этот вопрос очень серьезный. И только потом выносим на Совет директоров.

Но я думаю, что и сейчас также будет. Наверняка они там уже большую работу проводят предварительную в наше отсутствие. Как будет, пока трудно сказать. Я не знаю, не могу сказать.

ХАЛАНСКИЙ В.П.

Вопрос намечался – банки, модернизация и инвестиции. Речь сегодня шла о длинных деньгах, эту тему сегодня поднимали. Но я считаю, что на следующем Конгрессе, потому что роль банков там тоже есть. Это капитализация, банки с большим капиталом имеют инвестиционные возможности. Поэтому, конечно, эту проблему, особенно важную для экономики страны, в свете «банки и экономика», проблему длинных денег надо как-то продумать и вынести на следующий Конгресс.

А так вы вопрос сняли, детально объяснив свою позицию по длинным деньгам. Хотя там, конечно, роль ВЭБа не до конца известна.

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

В законе всё прописано. Другое дело, что он не работал практически по тому, что прописано. Там работали практически по тому, что прописано.

ХАЛАНСКИЙ В.П.

В банки регионов беззалоговых кредитов, мы знаем, сколько ушло в состав фонда бывшего, и как это было определено в ходе кризиса.

И второй вопрос. Почему-то на секции вчера, на панели дискуссионной речь шла о малых банках, о региональных банках. Так до конца, на мой взгляд, эта проблема, даже четко, на мой взгляд, линия куда идти четко не намечена.

Хотя линия практическая даже во время кризиса, это барьер 90, 180, она жестко проводится. Хотя дискуссия была неравнозначная. Я думаю, те, кто поднимал эти вопросы, они всё же мнением зала владели.

Я вспоминаю слова Сергея Михайловича. Он сказал, малый банк – это не значит, что плохой банк. Крупный банк – это не значит, что банк без проблем. Тем более, могут быть проблемы очень серьезные, системные.

Поэтому, наверное, во время кризиса было много других проблем, чем ломать банки, которые имели капитал меньше 90 миллионов. И сейчас, которые имеют меньше 180 миллионов. Мне кажется, это не та директива. Тем более, в

какой-то части эти банки даже за последние два кризиса определили определенную устойчивость системы, особенно в расчетах.

Вспоминаем 1998 год. Какие банки легли? Малые банки и средние - устояли, они выдерживают нормативы ЦБ. Вспоминаю сейчас, малые банки устояли, потому что они не брали на Западе эти сотни миллиардов кредитов. И их клиенты там не брали, их туда не пускали.

Поэтому позиция по малым банкам, а особенно, касающаяся региональных банков, может быть, посмотреть в части их надзора, как-то определиться. Но не занимать, по моему, неправильную позицию – жестко их давить, теми барьерами капитала, который уже сделали и продолжают дальше.

А валился Банк Электроника, валились банки Гительсона, Инкасбанк и так далее. Это довольно крупные банки валились. Малые банки давили новыми нормативами.

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

И малые валились, и крупные валились. Просто о малых мы меньше знаем, меньше говорили.

Михаил Игоревич, хотите прокомментировать?

СУХОВ М.И.

Вы знаете, дискуссия на эту тему идет. Я думаю, она будет продолжаться и вне этого конгресса. Просто не хотелось бы ее ограничивать. Просто по времени мы немножко не успеваем.

Я думаю, что, исходя из того, что можно сказать коротко, в любом решении мы находимся сейчас в такой ситуации, что нет решений, которые не имеют своих плюсов и минусов. Вот вы озвучили те позиции, которые вы считаете выгодными. Но когда принимаются решения, взвешиваются все «за» и «против», и выбирается та композиция решений, которая имеет больше «за», чем «против» в той или иной ситуации.

Я не скрываю, что я считаю, что установление абсолютной величины капитала имеет больше положительных факторов для банковского сектора, чем отрицательных. Я знаю, что есть коллеги, которые придерживаются иной точки зрения. И поэтому я больше, чем уверен, что нет ни одной темы, которую бы мы сегодня обсуждали и не обсуждали, которые являются стопроцентно однозначными, и по которым не может быть высказана иная точка зрения. И поэтому я думаю, что на эту и на другие темы, это будет и 21-й, и 22-й, и 23-й Конгресс, и так далее, и так далее.

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Не хочу уже комментировать. Я считаю, что действительно можно по каждой из тем, которые мы обсуждали, найти аргументы – и влево, и вправо, и такие, и такие. Но так жизнь устроена. Она более противоречива даже, чем мы часто представляем.

Коллеги, я предлагаю на этом завершить наше обсуждение. Давайте сделаем так. Во-первых, по теме следующего нашего Конгресса. У нас, вы все знаете наш сайт Центрального Банка. Давайте вы пришлете свои соображения, как, что, какие у вас мысли есть, что наиболее актуально.

Мы попытаемся это всё обобщить, и потом после этого мы прием решение о названии темы следующего Конгресса. Это – первый момент.

СИМАНОВСКИЙ А.Ю.

Кстати, в связи с последними обсуждениями рабочее такое предложение: «Банки: макро, микро, большое, малое».

МЕЛИКЬЯН Г.Г.

Ну, давайте продумаем. Я предлагаю сейчас не принимать никакое решение на этот счет. У кого есть что-то сказать на эту тему, присылайте нам на сайт.

То же самое я предлагаю сделать и в части рекомендаций. Мы обобщим ваши соображения, а потом опубликуем на сайте уже итоги.

Есть вообще текст рекомендаций, но его не раздавали. Мы его сейчас вывесим на сайте через некоторое время, вернемся, с учетом уже ваших соображений, может быть. Потом вы дадите какие-то свои критические замечания и предложения, и мы потом вывесим уже на сайте второй вариант с учетом ваших соображений и предложений.

Нет возражений, так поступить? Я так понимаю, что все согласны.

Спасибо огромное вам за участие, за терпение, что вы так долго слушали и мучались в этот момент. Спасибо.

(Аплодисменты)
